

НРАВСТВЕННОСТЬ КАПИТАЛИЗМА

**ТО, О ЧЕМ ВЫ НЕ УСЛЫШИТЕ
ОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ**

Коллектив авторов

**Нравственность капитализма.
То, о чем вы не услышите
от преподавателей**

«Новое издательство»

2012

Коллектив авторов

Нравственность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей / Коллектив авторов — «Новое издательство», 2012

Погоня за прибылью, алчность, эгоизм, насилие — для многих сегодня капитализм связан с несправедливостью и безнравственностью, имущественным расслоением, нивелированием культурных различий и прочими негативными сторонами жизни современного общества. Однако антикапиталистическая риторика не выдерживает столкновения с логикой и фактами: свобода, сотрудничество, предприимчивость, инновации, частная инициатива, забота о потребителе, индивидуализм, равные права и равные возможности — все эти ценности капитализма не имеют ничего общего с тем, что обычно вменяют ему в вину.

© Коллектив авторов, 2012

© Новое издательство, 2012

Содержание

Предисловие: нравственность капитализма	6
История понятия «капитализм»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**Под редакцией Тома Дж. Палмера
Нравственность капитализма. То, о
чем вы не услышите от преподавателей**

The Morality of Capitalism
What Your Professors Won't Tell You
Edited by Tom G. Palmer Jameson Books

Предисловие: нравственность капитализма

Том Дж. Палмер

Эта книга посвящена нравственному обоснованию того явления, которое философ Роберт Нозик назвал «капиталистическими актами между совершеннолетними, совершенными по взаимному согласию»¹. В ней рассказывается о системе производства на основе сотрудничества и свободного обмена, где преобладают именно такие акты.

Для начала стоит сказать несколько слов о названии книги – «Нравственность капитализма». Вошедшие в нее эссе связаны с *нравственностью* капитализма; они не ограничиваются сферой абстрактной нравственной философии, но затрагивают также экономику, логику, историю, литературу и другие дисциплины. Более того, они касаются нравственности *капитализма*, а не только нравственности свободного обмена. Понятие «капитализм» охватывает не только существующие с незапамятных времен рынки, где происходит обмен товарами и услугами, но также систему, обеспечивающую инновации, создание богатства и общественные изменения и принесшую миллиардам людей благосостояние, которого их предки и представить себе не могли.

Капитализм – это правовая, социальная, экономическая и культурная система, предусматривающая равные права для всех и «вознаграждение по способностям», стимулирующая децентрализованные инновации и метод проб и ошибок – то, что экономист Йозеф Шумпетер назвал «созидательным разрушением», – через механизмы добровольного рыночного обмена. Капиталистическая культура возносит на щит предпринимателей, ученых, людей, не боящихся риска, изобретателей, творцов. Хотя философы пренебрежительно называют ее материалистической (в том числе марксисты, сами отнюдь не чужающиеся материализма), капиталистическая система имеет прежде всего духовную и культурную основу. Как отметила историк Джойс Эпплби в своей недавней работе «Бесконечная революция: история капитализма», «поскольку капитализм представляет собой не просто экономическую, но и культурную систему, его сущность нельзя объяснить одними материальными факторами»².

Капитализм – это система культурных, духовных и этических ценностей. Экономисты Дэвид Шваб и Элинон Остром в своем фундаментальном труде о роли норм и правил в функционировании свободной экономики, основанном на постулатах теории игр, подчеркивают: фундамент рынка – нормы, удерживающие нас от воровства и «усиливающие взаимное доверие между людьми»³. Капитализм – отнюдь не отрешенная от морали арена столкновения интересов, какой его часто изображают те, кто стремится подорвать или уничтожить эту систему: взаимодействие в его рамках очень во многом определяется этическими нормами и правилами. Более того, капитализм основан на этике, отвергающей грабеж и захваты – способы, которыми сколотили свои состояния большинство богатей в рамках других политико-экономических систем. (На деле во многих странах и в наши дни, и на протяжении почти всей истории человечества считалось и считается, что богатые – это те, кто отобрал что-то у других, прежде всего благодаря доступу к организованной силе, которую сегодня мы называем государством. Хищнические элиты используют эту силу для создания монополий и конфискации продуктов чужого труда через систему налогов. Они кормятся из государственной казны, полу-

¹ Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. P. 163 [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2000. С. 210].

² Appleby J. The Relentless Revolution: A History of Capitalism. New York: W.W. Norton and Co., 2010. P. 25–26.

³ Ostrom E., Schwab D. The Vital Role of Norms and Rules in Maintaining Open Public and Private Economies // Moral Markets: The Critical Role of Values in the Economy / Ed. by Paul J. Zak. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 204–227.

чают выгоду от установленных государством монополий и ограничения конкуренции. Лишь в условиях капитализма люди богатеют, не становясь при этом преступниками.)

Возьмем явление, которое историк Дейрдра Макклоски называет «основополагающим фактом»: «Сегодня в Британии и других странах, переживших в новое время экономический рост, среднестатистические доходы превосходят соответствующие показатели на 1700-е или 1800-е годы минимум в 16 раз»⁴. Такого в истории человечества еще не бывало. При этом оценка, которую приводит Макклоски, пожалуй, даже слишком осторожна, ведь она не учитывает потрясающие достижения в науке и технике, благодаря которым все культуры мира оказались от нас на расстоянии вытянутой руки.

Капитализм ставит творчество на службу человечеству, уважая и поощряя предприимчивость и инновации – тот неуловимый фактор, благодаря которому наша жизнь так разительно отличается от жизни множества поколений наших предков до XIX столетия. Инновации, изменившие к лучшему жизнь людей, носят не только научно-технический, но и институциональный характер. Новые деловые предприятия самого разного толка на добровольной основе координируют труд огромного числа людей. Новые финансовые рынки и инструменты круглые сутки связывают воедино решения миллиардов индивидов о сбережении и вложении их средств. Новые телекоммуникационные сети объединяют людей, живущих в разных уголках планеты. (Не далее как сегодня я беседовал с друзьями из Финляндии, Марокко, США и России и через Facebook связывался с друзьями и знакомыми в Америке, Канаде, Пакистане, Дании, Франции и Кыргызстане.) Новые виды продукции предоставляют нам такие возможности, о которых предыдущие поколения и мечтать не могли. (Я пишу эти строки на ноутбуке Apple MacBook Pro.) Из-за этих перемен наше общество по множеству параметров резко отличается от всех обществ, существовавших в истории.

Капитализм – не только строительство в том смысле, который вкладывали в это понятие социалистические диктаторы, заставляя своих рабов «строить светлое будущее». Капитализм не просто упорный труд, самопожертвование или усердие – это создание полезных вещей. Те, кто не понимает сути капитализма, с готовностью поддерживают программы по «созданию новых рабочих мест», чтобы люди могли трудиться. Но они не осознают не только сути капитализма, но и сути труда. Есть такая известная история: в одной из азиатских стран экономисту Милтону Фридману показали, как сооружается гигантский канал. Он был удивлен, что множество рабочих вручную, без специального оборудования перелопачивают огромные объемы земли и камней. Ему объяснили: «Вы не понимаете, это программа по созданию рабочих мест». Фридман ответил: «А я-то думал, вы строите канал. Если вы хотите занять работой как можно больше людей, выдайте им ложки вместо лопат».

Меркантилист и сторонник «кумовства» Х. Росс Перро, баллотируясь в президенты США в 1992 году, в ходе предвыборных дебатов сетовал, что Америка покупает у Тайваня компьютерные чипы, а взамен продает ему картофельные чипсы. Перро словно стыдился того, что США наращивают экспорт картофельных чипсов: он, как и Ленин, считал, будто добавленную стоимость имеет только «серьезная» промышленная продукция. В этой связи экономист из Стэнфордского университета Майкл Боскин справедливо заметил: доллар остается долларом независимо от того, на чем он заработан – на картофельных чипсах или компьютерных чипах. Добавленная стоимость – это добавленная стоимость, выращиваете ли вы картошку в Айдахо или обрабатываете кремний в Тайбее. Сравнительное преимущество⁵ – ключ к специализации и торговле; труд, создающий что-то полезное, не может быть постыдным – будь то труд фермера, грузчика (как раз сегодня трое грузчиков переставили мебель и книги в моей

⁴ *McCloskey D. Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 48.*

⁵ Простое арифметическое объяснение принципа сравнительного преимущества см.: tomgpalmer.com/wpcontent/uploads/papers/The%20Economics%20of%20Comparative%20Advantage.doc.

библиотеке, и я отлично осознаю, как много полезного они для меня сделали), финансиста и так далее. Рынок – а не высокомерные политики-меркантилисты – показывает нам, в каких случаях мы создаем добавленную стоимость, а в отсутствие свободного рынка узнать это нам не дано.

Капитализм – это не обмен масла на яйца на местном рынке, который происходил тысячами. Это создание добавленной стоимости путем мобилизации энергии и изобретательности людей в масштабах, невиданных в истории, обеспечивающее простым людям благосостояние, которое удивило бы самых могущественных и богатых королей, султанов и императоров прошлого. Это слом укоренившихся систем власти, господства и привилегий, открытие всех путей наверх для способных людей. Это замена принуждения убеждением⁶. Это стимулы, побуждающие не завидовать другим, а добиваться большего собственными усилиями⁷. Это то, что позволяет мне и вам жить так, как мы живем.

(Единственное, что было у королей, султанов и императоров и чего нету простых людей сегодня, – это власть над другими и возможность ими повелевать. У них были гигантские дворцы, построенные рабами на деньги, которые были собраны в виде податей, но не имевшие ни отопительной системы, ни кондиционеров; у них были рабы и слуги, но не было стиральных и посудомоечных машин; у них были целые армии гонцов, но не было мобильных телефонов и Wi Fi; у них были придворные лекари и знахари, но не было обезболивающих, чтобы облегчить страдания, и антибиотиков, чтобы лечить инфекции; они были могущественны, но по сегодняшним меркам бедны как церковные крысы.)

⁶ Анализ того, как принуждение стало играть все меньшую роль в нашей жизни, см.: *Payne J.L. A History of Force*. Sandpoint, Idaho: Lytton Publishing, 2004.

⁷ Феномену зависти как чувства, вредящего сотрудничеству в обществе и противоречащего рыночному капитализму, уделяли внимание многие мыслители. Интересный подход к проблеме на основе древнеиндийского эпоса «Махабхарата» содержится в недавно вышедшей работе: *Das G. The Difficulty of Being Good: On the Subtle Art of Dharma*. New York: Oxford University Press, 2009. В особенности см. с. 1–32.

История понятия «капитализм»

В современном мире рыночная экономика, определяемая как система свободного обмена между людьми, обладающими четкими, юридически гарантированными и передаваемыми правами на дефицитные ресурсы, – необходимая предпосылка благосостояния. Однако, как убедительно доказывают специалисты по экономической истории, особенно Дейрдра Макклоски, этого недостаточно. Необходим еще один элемент: этика свободного обмена и производства материальных благ за счет инноваций.

Здесь уместны несколько слов о самом понятии «капитализм». По данным историка Фернана Броделя, слово «капитал» возникло еще в XII–XIII веках: тогда оно обозначало «финансовые средства, запасы товаров, сумму денег или денежный интерес»⁸. Относительно выявленных им многочисленных значений понятия «капиталистический» Бродель иронично замечает: «Это слово... никогда не употреблялось в дружественном ключе»⁹. Понятие «капитализм», имеющее, как правило, негативный смысл, возникло в XIX веке; в частности, французский социалист Луи Блан определял его как «присвоение капитала некоторыми людьми за счет других»¹⁰. Карл Маркс говорил о «капиталистическом способе производства», а популяризировал термин «капитализм» его рьяный последователь Вернер Зомбарт в своей нашумевшей книге «Der Moderne Kapitalismus» («Современный капитализм»), вышедшей в 1912 году. (Друг и соавтор Маркса Фридрих Энгельс считал Зомбарта единственным немецким мыслителем, по-настоящему понимающим марксизм; позднее Зомбарт стал сторонником еще одной антикапиталистической идеологии – национал-социализма, или нацизма.)

Критикуя «капиталистов» и «капиталистический способ производства», Маркс с Энгельсом отмечали, что «буржуазия» (так они называли «класс», владеющий «средствами производства») радикально изменила мир: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»¹¹

Маркс и Энгельс изумлялись не только техническому прогрессу, но и появлению «целых, словно вызванных из-под земли, масс населения» – так оригинально они описали снижение смертности, рост благосостояния, увеличение средней продолжительности жизни людей. Конечно, несмотря на все эти достижения, Маркс и Энгельс выступали за слом «капиталистического способа производства», а точнее – полагали, что он разрушит сам себя и расчистит путь для нового строя – настолько замечательного, что давать хоть малейшее представление о его механизмах не только незачем, но и было бы до оскорбительности антинаучно¹².

⁸ Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th-18th Century: The Wheels of Commerce. New York: Harper & Row, 1982. P. 232.

⁹ Braudel F. Op. cit. P. 236.

¹⁰ Blanc L. Organisation du Travail. Paris: Bureau de la Societe de l'Industrie Fraternelle, 1847; цит. по: Braudel F. Op. cit. P. 237.

¹¹ Engels F., Marx K. Manifesto of the Communist Party // Engels F., Marx K. Collected Works. Moscow: Progress Publishers, 1976. Vol. 6. P. 489 [Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 4. С. 429].

¹² Разгромную критику экономической теории Маркса выдающимся ученым см.: Bohm-Bawerk E. von. Karl Marx and the Close of His System [1896]. New York: Augustus M. Kelly, 1949. Более точным переводом названия работы Бем-Баверка было бы «К завершению марксистской системы», поскольку она является откликом на публикацию третьего тома «Капитала» Маркса, завершавшего изложение его экономических воззрений. Следует также отметить, что Бем-Баверк критикует лишь изъяны самой марксистской теории, никоим образом не привлекая к этому результаты «малой революции» в экономической науке, произошедшей в 1870 году. См. также эссе Людвиг фон Мизеса: Mises L. von. Economic Calculation in the Socialist

Важнее, впрочем, другое: Маркс и Энгельс основывали критику капитализма (по-прежнему сильно влияющую на интеллектуалов во всем мире, несмотря на неспособность всех коммунистических экспериментов выполнить обещания своих творцов) на полной неразберихе с определением «буржуазии», которое они связывали с «капиталистическим способом производства». С одной стороны, этим понятием они обозначают владельцев «капитала», организующих производственные предприятия, а с другой – тех, кто кормится за счет государства и его власти. Последнюю точку зрения Маркс высказывает в одной из своих самых интересных статей на политические темы: «Материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалования то, чего не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров. С другой стороны, политический интерес буржуазии заставлял ее с каждым днем все более усиливать репрессии, то есть ежедневно увеличивать средства и личный состав государственной власти»¹³.

Таким образом, с одной стороны, Маркс отождествлял «буржуа» с предпринимателями, сделавшими «производство и потребление всех стран космополитическим», а «национальную замкнутость» невозможной, создавшими «всемирную литературу», обеспечившими «быстрое усовершенствование всех орудий производства и бесконечное облегчение средств сообщения», преодолевшими «упорную ненависть варваров к иностранцам» за счет «низких цен товаров»¹⁴. С другой стороны, «буржуазией» он называет тех, кто живет за счет «государственного кредита» (в частности, государственных облигаций): «Все современное денежное дело, все банковское хозяйство теснейшим образом связано с государственным кредитом. Часть банковского капитала по необходимости вкладывается в легко реализуемые государственные процентные бумаги. Банковские вклады, капиталы, предоставляемые банкам и распределяемые ими между купцами и промышленниками, частично имеют своим источником дивиденды государственных кредиторов»¹⁵.

По мнению Маркса, «буржуазия» непосредственно участвовала в борьбе за контроль над государственной машиной и извлекала из этого выгоду: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как главную добычу при своей победе»¹⁶.

Как отмечает историк Ширли Грюнер, «Маркс считал, что своим определением „буржуазии“ он отразил действительное положение вещей, но на деле он сформулировал лишь весьма скользкое понятие»¹⁷. В некоторых текстах Маркс обозначает этим понятием предпринимателей-новаторов, организующих производственные предприятия и вкладывающих средства в создание богатства, а в других – тех, кто «прилепился» к государству, живет за счет налогов, лоббирует ограничение конкуренции и свободы торговли: одним словом, тех, кто занимается не созданием богатства, а закреплением за собой права перераспределять или уничтожать

Commonwealth // *Collectivist Economic Planning* / Ed. by F.A. Hayek. London: George Routledge & Sons, 1935. В нем показана неспособность коллективистскими методами решить проблему экономических расчетов.

¹³ Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // Karl Marx: *Surveys from Exile: Political Writings* / Ed. by D. Fernbach. New York: Vintage Books, 1974. Vol. II. P. 186 [Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 8. С. 158]. Противоречия и изъясны социально-экономической теории Маркса я рассматриваю в статье: Palmer T.G. Classical Liberalism, Marxism, and the Conflict of Classes: The Classical Liberal Theory of Class Conflict // Palmer T.G. *Realizing Freedom: Libertarian Theory, History, and Practice*. Washington: Cato Institute, 2009. P. 255–275.

¹⁴ Engels F., Marx K. Manifesto of the Communist Party... P. 488 [Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 428].

¹⁵ Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte... P. 222 [Там же. Т. 8. С. 191].

¹⁶ Ibid. P. 238 [Там же. Т. 8. С. 206].

¹⁷ Gruner S.M. *Economic Materialism and Social Moralism*. The Hague: Mouton, 1973. P. 189–190.

богатство других, чтобы рынки не открывались, бедняки оставались бедняками, а общество по-прежнему находилось под их контролем.

Из-за влияния Маркса и его последователя Зомбарта понятие «капитализм» стало употребительным. Стоит вспомнить, что его популяризировали люди, не только *путавшие* продуктивное предпринимательство и рыночный обмен с жизнью за счет налогов, собранных с других, но и выступавшие за отмену частной собственности, рынка, денег, цен, разделения труда, за демонтаж всего «здания» либерализма: прав личности, свободы совести, свободы слова, равенства всех перед законом и демократического строя с конституционным ограничением полномочий государства.

Нередко, как это случается с многими понятиями, имеющими негативный подтекст, термин «капитализм» подхватывали те самые сторонники свободного рынка, против которых он использовался. Однако из-за истории его употребления интеллектуалы, называвшие «капитализмом» систему, за которую они выступали, или просто использовавшие это слово как нейтральный научный термин, оказывались в невыгодном положении, поскольку 1) он имел двусмысленное значение, относясь как к свободному предпринимательству, так и к паразитизму на налогах и покровительстве государства, и 2) почти всегда использовался в негативном смысле.

Некоторые предлагают вообще отказаться от этого термина из-за его противоречивости и идеологизированности¹⁸. Подобный вариант выглядит соблазнительно, но здесь есть одна проблема. Просто разрешать людям свободно торговать, руководствуясь соображениями прибыли и убытка, конечно необходимо для экономического прогресса, но для создания современного мира этого недостаточно. Современная рыночная экономика и возникла из вихря институциональных, технических, культурных, художественных и социальных инноваций, преодолевающих рамки обмена яиц на масло, и подстегивает этот вихрь. Современный рыночный капитализм обновляет жизнь не с черепашной скоростью движения ледников, а все быстрее и быстрее – именно это так пугало в современном мире и социалистов (в частности, Маркса), и их союзников – консерваторов-антирыночников. В своей работе «Капитализм, социализм и демократия» Йозеф Шумпетер подвергает критике тех, для кого «проблема» состоит в том, «как капитализм функционирует в рамках существующих структур, тогда как действительная проблема в данном случае состоит в том, как он создает и *разрушает* эти структуры»¹⁹.

Современный свободный рынок – это не просто площадка для обмена, подобная существовавшим еще в древности ярмаркам. Для него характерны волны «созидательного разрушения»; то, что было новым десять лет назад, сегодня уже устарело и заменяется усовершенствованными вариантами, новыми устройствами, институциональными формами, технологиями и методами взаимодействия, которые раньше и представить себе было невозможно. Именно это отличает современный свободный рынок от прежних рынков. И лучший из имеющихся терминов, позволяющий отличить рыночные отношения, создавшие современный мир, от тех разновидностей рынка, что им предшествовали, – это понятие «капитализм».

Однако капитализм – не синоним беспорядка. Это одна из форм спонтанного порядка, рождающаяся в ходе определенного процесса (некоторые авторы называют его «формирующимся порядком»). Подобные инновации становятся возможными благодаря предсказуемости, обусловленной прочностью верховенства закона и гарантированных прав. Как отмечает Дэвид Боуз на страницах *The Futurist*, «разглядеть порядок в кажущемся хаосе рынка всегда было непросто. Несмотря на то что ценовой механизм постоянно направляет ресурсы туда, где они используются эффективнее всего, внешне рынок кажется прямой противоположностью

¹⁸ См. например: Richman S. Is Capitalism Something Good? [www.thefreemanonline.org/column/rgif/is-capitalism-something-good/].

¹⁹ Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Routledge, 2006. P. 84 [Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2007. С. 462].

порядка – фирмы банкротятся, люди теряют работу, благосостояние неравномерно, инвестиции зачастую растрачиваются впустую. Динамичная Эпоха инноваций покажется еще более хаотичной: гигантские бизнес-структуры будут вырастать и разрушаться быстрее, чем когда-либо прежде, а гарантированную занятость будут иметь все меньше работников. Однако наделе повышение эффективности транспорта, связи и рынков капитала обеспечит еще более высокий уровень порядка, чем в условиях рынка в промышленную эпоху.

Главное – не позволять государству принудительными методами «устранять эксцессы» или «направлять» рынок в сторону желательных для кого-либо результатов»²⁰.

Рыночный и кумовской капитализм Чтобы избежать путаницы, вызванной двусмысленным употреблением термина «капитализм» мыслителями-социалистами, необходимо проводить четкое различие между рыночным капитализмом и «кумовским» капитализмом – системой, из-за которой так много государств погрязло в коррупции и отсталости. В ряде стран богатство во многих случаях становится синонимом высокой политической должности или означает, что его владелец (реже владелица) – родственник, друг или сторонник (одним словом, «кум») кого-то из власть предержащих и его богатство связано не с производством полезных товаров, а с привилегиями, которые государство представляет одним людям в ущерб другим. Как это ни прискорбно, понятие «кумовской капитализм» все больше характеризует и экономику США – страны, где обанкротившимся фирмам все чаще «помогают» за счет средств налогоплательщиков, где национальный капитал превращается в улей, кишящий соискателями на «присвоение ренты» – лоббистами, бюрократами, политиками, консультантами, продажными писателями, где чиновники из Министерства финансов и Центробанка (Федеральной резервной системы) решают, какие фирмы облагодетельствовать, а каким навредить. Подобное коррумпированное кумовство нельзя отождествлять с рыночным капитализмом – системой производства и обмена, основанной на верховенстве закона, равных правах для всех, свободе выбора, торговли, инноваций, дисциплинирующих ориентирах прибыли и убытков, праве на плоды собственного труда, накоплений, инвестиций, отсутствии опасений, что они будут конфискованы теми, кто вкладывался не в производство полезных товаров и услуг, а в политическую власть.

Волны перемен, порождаемые рыночным капитализмом, часто вызывают недовольство традиционных элит. Они считают, что представители меньшинств нагледят, а низшие классы забыли свое место. Еще больше их шокирует тот факт, что рыночный капитализм позволяет женщинам занять подобающее место в обществе. Поддается незыблемость социального статуса. Люди формируют взаимоотношения, основанные на добровольном выборе и согласии, а не на привилегиях, доставшихся им по праву рождения и социального положения²¹. Ненависть консерваторов рыночному капитализму, столь тщательно обобщенную Марксом и включенную в его собственные теории, отражает возмущение подобными переменами, а *зачастую* – и утратой привилегий. Лео Меламед (почетный председатель SME Group, а в прошлом – Чикагской товарной биржи, биография которого – он сумел спастись от гестапо и КГБ, а затем произвел революцию в мировых финансах – представляет собой выдающуюся историю мужества и дальновидности) на собственном опыте сделал вывод: «На финансовом рынке Чикаго главное не то, кто вы такой – ваше происхождение, семья, физическое состояние, пол, – а ваша способность понимать нужды потребителей и тенденции развития экономики. Все остальное большого значения не имеет»²². Поддержка рыночного капитализма равносильна поддержке

²⁰ Boaz D. Creating a Framework for Utopia // The Futurist. 1996. December 24 [www.cato.org/pub_display.php?pub_id=5976].

²¹ Историк-правовед Генри Самнер Мейн в своем знаменитом определении назвал «переход прогрессивных обществ» от унаследованных отношений, основанных на семейных узах, к личной свободе и гражданскому обществу «продвижением от статуса к контракту» *C Maine H.S. Ancient Law*. Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2003. P. 170).

²² Melamed L. Reminiscences of a Refugee // Melamed L. For Crying Out Loud: From Open Outcry to the Electronic Screen. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2009. P. 136.

свободы менять мир, вносить в него что-то новое, изобретать. Она означает готовность принять перемены, уважение к праву других делать все, что они захотят, с тем, что им принадлежит. Она означает создание условий для появления новых технологий, научных теорий, художественных форм, новой идентичности и новых взаимоотношений. Она означает поддержку свободы создания материальных благ – единственного инструмента борьбы с бедностью. (У богатства есть причины, а у бедности нет. Бедность – это результат того, что богатство не создается, но богатство – не результат того, что не создается бедность²³.) Она означает поддержку освобождения людей и реализации ими своего потенциала.

Авторы, чьи эссе публикуются в настоящем сборнике, представляют разные страны, культуры, профессии и научные специальности. Каждый из них по-своему анализирует вопрос о нравственных корнях рыночного обмена и о том, как рынок стимулирует нравственность. Это разные работы – некоторые довольно коротки, другие более объемисты; некоторые написаны в популярной форме, другие – в научной. Книга включает две статьи, прежде не публиковавшиеся на английском: специально для нее они переведены с китайского и русского. Среди авторов – два лауреата Нобелевской премии (по литературе и экономике), в сборник вошло также интервью с успешным предпринимателем, сторонником, как он выражается, «сознательного капитализма». В статьях представлена не вся совокупность доводов в пользу рыночного капитализма, но они могут служить введением в весьма обширный круг соответствующей литературы. (Небольшая выборка из этого массива литературы представлена в краткой библиографии в конце книги.)

Почему этот сборник содержит только работы, авторы которых энергично защищают рыночный капитализм? Потому что существуют сотни, а то и тысячи книг по проблемам рыночной экономики, где дается якобы «сбалансированный» анализ нашей темы, на деле представляющий собой осуждение богатства, предприимчивости, инноваций, механизма прибылей и убытков и рыночного капитализма в целом. За свою жизнь я прочел сотни трудов с нападениями на рыночный капитализм; я анализировал содержащиеся в них аргументы и продумывал собственные доводы для борьбы с ними. Что же касается критиков рыночного капитализма, то среди них мало кто прочел больше одной книги, автор которой осмелился бы выступить в защиту этой системы. Чаще всего, по крайней мере в «англосаксонских» интеллектуальных кругах, встречаются ссылки на одного ученого – Роберта Нозика, но и тут становится ясно, что авторы прочли лишь одну главу из одной его книги: ту, где он предложил «испытательный» мысленный эксперимент, тестируя противников рыночного капитализма. Большинство авторов-социалистов считают вполне достаточным ознакомиться с одной-единственной работой и опспорить один мысленный эксперимент²⁴

²³ Подробнее я освещаю вопрос о бедности и рыночном капитализме в работе: *Palmer T.G. Classical Liberalism, Poverty, and Morality // Poverty and Morality: Religious and Secular Perspectives / Ed. by William A. Galston and Peter H. Hoffenberg. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 83–114.*

²⁴ Особенно такой подход характерен для философов; наиболее прискорбный пример представляют собой многолетние неудачные попытки покойного Дж. А. Коэна опровергнуть мысленный эксперимент Нозика. Ссылки на статьи Коэна и доказательства несостоятельности его критики см *Palmer T.G. G.A. Cohen on Self-Ownership, Property, and Equality // Palmer T.G. Realizing Freedom... P. 139–154.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.